

Социальный капитал, доверие и экономические стратегии: от теоретических дискуссий к прикладным исследованиям

Оглавление

Социальный капитал, доверие и экономические стратегии: от теоретических дискуссий к прикладным исследованиям	1
Введение	3
Теоретические истоки концептуализаций социального капитала	4
Социальный капитал: история понятия.....	8
Проблема конвертации капиталов в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях	11
От социального капитала к сетевому анализу	15
Взаимосвязь политических, экономических и социальных параметров: эконом-социологические подходы	25

Введение

Александр Портес, один из наиболее значимых современных исследователей социального капитала, перечисляет четырех классиков социологии, которые заложили теоретические основания дальнейших социологических исследований тех социальных эффектов, которые оказывают воздействие на экономическую деятельность. Он называет фамилии Дюркгейма, Зиммеля, Маркса и Вебера¹.

Sources	Operating Principle	Individual Motivation for Compliance	Classical Referents	Modern Applications
Value introjection	Socialization into consensually established beliefs	Principled	Durkheim's ([1893] 1984) analysis of the social underpinnings of legal contracts	Functionalist economic sociology (Parsons and Smelser 1956)
Reciprocity exchanges	Norm of reciprocity in face-to-face interaction	Instrumental	Simmel's ([1908] 1955) analysis of exchanges in dyads and triads	Exchange and power in social life (Blau 1964)
Bounded solidarity	Situational reactive sentiments	Principled	Marx and Engels's ([1848] 1948; [1846] 1947) analysis of the emergence of working-class consciousness	Solidarity bonds in immigrant and ethnic communities (Tilly 1990; Yancey et al. 1976)
Enforceable trust	Particularistic rewards and sanctions linked to group membership	Instrumental	Weber's ([1922] 1947) analysis of substantive rationality in economic transactions	Dynamics of ethnic entrepreneurship (Light 1972; Aldrich and Zimmer 1986)

* Social capital is defined as "collective expectations affecting individual economic behavior."

Примечание - Источник (Portes 1993)

Рисунок 1 - Типы и характеристики социального капитала по Портесу

Социальный капитал в каждой теоретической традиции, описываемой Портесом различается по типу привлекаемых агентами ресурсов, ключевых принципов циркуляции на рынке, а также типу мотивов, которыми руководствуются индивиды или группы индивидов. На самом базовом уровне Портес разбивает типы капитала на два уровня – фундаментальный (principled) и инструментальный (instrumental). Наиболее значимыми авторами, которые представляют эти две разные традиции концептуализации понятия «социальный капитал» выступают Эмиль Дюркгейм и Георг Зиммель. Рассматриваться как два уровня проявления одного феномена эти понятия начнут значительно позднее, но по своим теоретическим истокам они воплощают в себе принципиальный конфликт двух ключевых теоретических традиций мышления о социальном. По этой причине следует подробнее рассмотреть объяснительные модели, которыми пользуются Дюркгейм и Зиммель в своих исследованиях.

¹ Portes, A., & Sensenbrenner, J. (1993). Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American journal of sociology*, 98(6), 1320-1350.

Теоретические истоки концептуализаций социального капитала

Эмиль Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда» отмечал, что за всякими формальными правилами стоят неформальные отношения: «Договор – это только перемирие, и довольно непрочное; он прекращает враждебность только на время. Как бы точна ни была регламентация, она всегда оставит свободное место для многих разногласий. Но не необходимо, и даже невозможно, чтобы общественная жизнь обходилась без борьбы. Роль солидарности – не уничтожение конкуренции, но ее укрощение»².

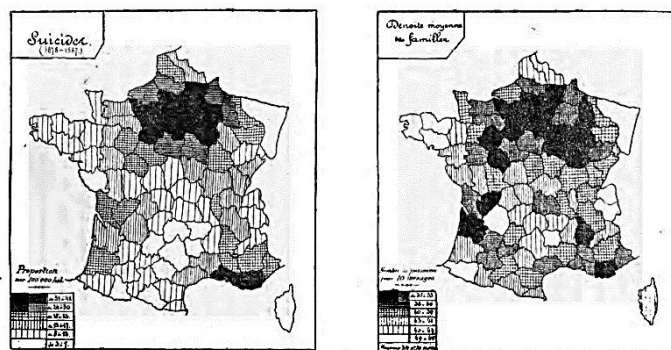
Значение солидарности и тесных неформальных социальных связей Дюркгейм особенно отмечал в своих ранних работах. В работе «Самоубийство: социологический этюд» он исследовал статистику самоубийств в Европе и заметил, что в зависимости от своей принадлежности разным группам вероятность совершения человеком самоубийства различается³. Так, например, наибольший показатель самоубийств присущ холостым мужчинам среднего возраста, среднего достатка и протестантского вероисповедания. Дюркгейм объясняет это тем, что люди, попадающие в эту категорию, обладают наибольшей свободой действия, они наименее скованны нормами сообществ и испытывают меньшее давление обязательств перед группой, которой принадлежат. Поэтому, не испытывая давления семьи, церкви или резкой нужды в выживании, они попадают в категорию наибольшего риска.

² Дюркгейм, Э., & Гофман, А. Б. (1991). О разделении общественного труда; Метод социологии. Наука. С. 340.

³ Durkheim, E. (1897). *Le suicide: étude de sociologie*. Alcan.

PLANCHE IV.

SUICIDES ET DENSITÉ FAMILIALE.

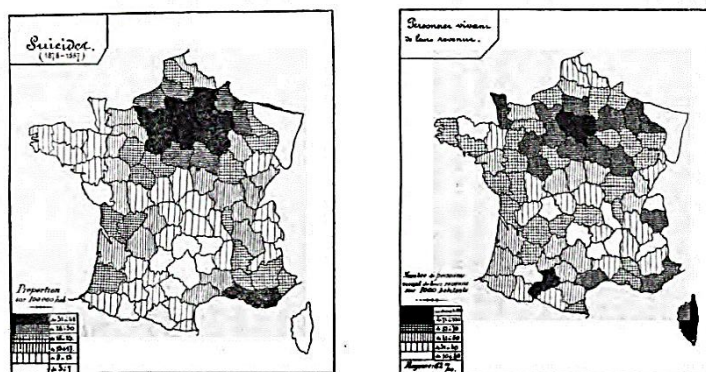

Примечание - Источник (Durkheim 1897)

Рисунок 2 - Статистика самоубийств и плотность семейных связей во Франции.

PLANCHE V.

SUICIDE ET RICHESSE.

Примечание - Источник (Durkheim 1897)

Рисунок 3 - Самоубийства и распределение богатства во Франции.

Дюркгейм различает два типа солидарности – механический и органический. Механический тип солидарности свойственен однородным группам, все члены которых

похожи между собой, разделяют общие качества и представления, принадлежат одному классу и т.д. В своих работах Дюркгейм часто отсылает к примитивным обществам для иллюстрации механической солидарности и называет их сегментарными, поскольку разделение труда в примитивных обществах находится на минимальном уровне и все члены заняты одинаковыми формами труда⁴. Солидарность здесь основана на эмоциональном чувстве единства и сходства каждого члена группы с другими.

Различие форм солидарности между разными обществами в теоретической рамке Дюркгейма указывает на принципиальную разницу форм отношений между составляющими их индивидами. Однако Дюркгейм фокусирует оптику на коллективных нормах и представлениях, игнорируя специфику личных взаимодействий между индивидами. По этой причине исследователи доверия и социального капитала чаще обращаются к работам Георга Зиммеля. Его теоретическая рамка стала фундаментом для обширных исследований доверительных отношений в малых группах.

Зиммель замечает, что качества отдельных индивидов находятся в зависимости от того, какому числу социальных кругов эти индивиды принадлежат⁵. Индивиды здесь оказываются лишь узловыми точками в сети социальных отношений. С большим числом социальных кругов возрастает возможность индивидуализации каждого отдельного человека.⁶ С включением в новый социальный круг снижается его зависимость от других социальных кругов и возрастает степень индивидуальной свободы и мобильности. Кроме того, также значение имеет размер социального круга, то есть число индивидов, включенных в него. Чем шире социальный круг, тем более сильно в нем проявляется социальная дифференциация. Чем он уже, тем сильнее давление, которое находящиеся в нем индивиды оказывают друг на друга. Расширение социального круга влечет за собой усложнение задачи по установлению взаимных доверительных отношений между индивидами, принадлежащими этому кругу. Кризис доверия в такого рода широких социальных кругах иллюстрируется в очерке Зиммеля «Большие города и духовная жизнь»⁷. Жизнь города неразрывно связана с интенсивной торговлей между индивидами, главный инструмент которых – деньги, позволяет свести к минимуму специфичность и уникальной каждой отдельной транзакции. Деньги и другие технические инструменты делают знакомства и тесные связи между индивидами необязательными. Они придают

⁴ Дюркгейм, Э., & Гофман, А. Б. (1991). О разделении общественного труда; Метод социологии. Наука.

⁵ Зиммель, Г. (1996). Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист. С. 413.

⁶ Там же. С. 414.

⁷ Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. Логос, 3(34), 12.

рыночному взаимодействию форму, все более пренебрегая содержанием этих взаимодействий. Объективная оценка заменяет субъективное восприятие, господствующее в малых группах. Личные качества контрагентов все менее значимы для большого города на фоне калькулируемых выгод от взаимодействия с ними.

«Постольку, поскольку группа растет, – численно, пространством, значением и жизненным содержанием, – постольку ослабевает ее непосредственное внутреннее единство, и резкость первоначального ограничения себя от других смягчается взаимными отношениями и связями; одновременно с этим индивид получает свободу деятельности в гораздо большей степени, чем ее давала первоначальная ревнивая замкнутость, и становится своеобразным и исключительным, к чему дает основание и что делает необходимым разделение труда в разросшейся группе»⁸.

Поэтому город, концентрируя ресурсы и связи между индивидами, делает их чужаками, ничего не знающими друг о друге. Город становится пространством нервозности, риска и недоверия. Как замечает Зиммель, развитая культура замыкает индивида в самом себе, но компенсирует это обстоятельство множеством социальных кругов и товариществ.

Понятие доверия у Зиммеля рассматривается в двух формах. Одна форма доверия – это религиозная вера (Glauben), которая не зависит от располагаемого знания или незнания. Она является определенным качеством, недоступным измерению. Другая форма доверия (Vertrauen) является измеряемой величиной и зависит от степени знакомства одного индивида с другим⁹.

Поскольку в более широких социальных кругах каждый индивид знает о другом все меньше, а их взаимодействие все более опосредовано технически, уровень доверия согласно гипотезе Зиммеля должен падать, а затраты на его поддержание возрастать. Вместе с этим возникает все больший риск оппортунистического поведения – возможности отдельных индивидов злоупотребить общим благом в личных целях. Чем шире социальный круг, тем острее стоит проблема безбилетного пассажира. Дефицит доверия рождает спрос на жесткую централизованную силу, которая будет обеспечивать соблюдение норм и правил. Так, например, чем больше индивидов принадлежит какой-либо закрытой организации, тем более жестким будет внутренний контроль в ее пределах и тем более иерархичной будет ее структура¹⁰.

⁸ Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь.

⁹ Simmel G. (1908) Soziologie, Leipzig: Duncker & Humblot. P. 346.

¹⁰ Simmel G. (1906) The sociology of secrecy and of secret societies. American journal of sociology, 11 (4): 441-498.

Задолго до появления понятия социального капитала в социологии Зиммелю удалось обозначить ключевые теоретические допущения, описывающие влияние плотности социальных связей на выбор экономических стратегий агентов и их экономическое поведение в целом. Работы Зиммеля впоследствии сильно повлияли на исследования в этой области.

Социальный капитал: история понятия

Понятие «социальный капитал» возникает благодаря импорту из классической экономической теории понятия капитала и распространению его на те области социального, которые не связаны напрямую с хозяйственной деятельностью, но могут быть описаны по ее образцу. Для начала осуществим небольшой экскурс в историю понятия «капитал». Начиная с 13-го века – это слово используется в различных значениях, связанных с коммерческой деятельностью. Ходжсон отмечает, что несмотря на определенные семантические сдвиги, чаще всего это слово относится к денежным ресурсам: «слово капитал в основном использовалось в значении денег, вложенных владельцами или акционерами (shareholders) для создания бизнеса»¹¹. Слово использовалось также в конкурирующем значении, для обозначения всей совокупности материальных владений или богатства в целом. Но к 18-му веку это синонимичное значение отпадает в деловых кругах в пользу денежного значения.

Переворот смысла происходит благодаря Адаму Смиту. Он переопределяет капитал, наделяя его физическими характеристиками, относящими к производительной способности. Отныне капитал – это то, что может увеличивать свою стоимость. Что именно подпадает под эту категорию остается открытым вопросом. Так, например, появляется возможность причислять к капиталу и конкретные человеческие умения. Однако в данном случае важно, не что такое капитал, а что он может делать – производить экономические блага. С этого момента капитал обладает фундаментальное полисемией: он означает, как объем денег, так и производительный ресурс.

Маркс использует эту двойственность¹², чтобы показать двойственную суть капитализма самого капитализма. Он показывает, что денежная форма из средства обмена между товарами (С-М-С) превращается в средство накопления (М-С-М'). Однако сами по себе деньги увеличивать стоимость не могут, но только денежная форма в полной мере пригодна для капитализма, поскольку лишена физических ограничений. Деньги, в

¹¹ Hodgson, What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning: should it be changed back?, 2014.

¹² Маркс, К. Капитал. Том первый. Процесс производства капитала, 1955-1981.

отличии от товаров, можно накапливать бесконечно. Но чтобы это процесс накопления происходил должен быть производительный ресурс. Однако капитал не может привести к увеличению стоимости сам по себе. Необходим специфический товар, который при покупке и при продаже дает разницу в стоимости. Таким товаром оказывается рабочая сила. Для Маркса капитал – это не физические ресурсы сами по себе, а определенные социальные отношения. Это позволяет ему заявить, что социальная форма капитализма имеет исторический характер. Однако, отношение между физическим и реляционным характером терминологии Маркса остается далеко не очевидным.

Ходжсон выделяет важное для нас контр-движение в концептуализации «капитала», которое происходит внутри социологической теории. В частности, он пишет, что Зомбарт, сохраняя исторический характер капитализма, возвращает слову «капитал» досмитовский смысл, когда определяет его как сумму обменных стоимостей. Для Вебера в «Хозяйстве и обществе» капитал является выражением определенного подхода к экономической деятельности. Причем для него капитал – это часть бухгалтерии, как выразителя рационализации экономики. Капитал – это сумма денежной ценности доступных для создания прибыли ресурсов. Так или иначе, это движение в сторону возвращения капиталу его денежного смысла. Забегая вперед, отметим, что это достаточно важно для понимания концепции Бурдьё, поскольку есть основания полагать, что понятие «капитал» для него имеет обоснование в марксовом подходе, а вот представление о «капитализме» имеет скорее веберианские корни.

Радаев в своей статье выделяет несколько конституирующих свойств капитала: 1) Ограниченность 2) Способность к накоплению 3) Ликвидность 4) Воспроизводство в ходе непрерывного кругооборота форма 5) Стоимость¹³. Приносящая новую добавочную стоимость.

Бурдьё не раз отмечал, что его концепты рождаются в ходе решения конкретных исследовательских задач. Концепт «капитала» не становится исключением. По этой причине нам необходим экскурс в использование этого понятия.

Впервые метафору «капитала» Бурдьё использует в совместных с Пассроном работах по социологии образования¹⁴. В работе «The Inheritors» культурный капитал соответствует неформальным академическим стандартам, которые совпадают с характеристиками доминантного класса¹⁵. Это позволяет объяснить почему существует

¹³ Радаев, Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация, 2002

¹⁴ Бурдьё считал, что его использование «капитала» не стоит считать метафорическим, но, как минимум, в период ранних работ это все же скорее метафора.

¹⁵ Bourdieu, Passeron, The Inheritors: French students and their relation to culture, 1979.

расслоение в доступе к образованию, несмотря на юридическое равенство доступа, и без отсылки исключительно к финансовым ресурсам. «Культурный капитал» становится центральным термином в работе этих же авторов «Воспроизводство»¹⁶. Здесь разрабатывается ключевой тезис о том, что школы – это не нейтральные институты, в которых ученики просто получают универсальные знания, а институт, основанный на культурном произволе, которые воспроизводят нормы «легитимной культуры». Дети из «высших слоев» оказываются в знакомой среде, а поэтому легче достигают образовательных успехов (понимаемые и как конкретные знания, и как документы об образовании). Причем, чем более становится видимость эгалитарной системы, тем больший акцент оказывается на передаче привилегий посредством образовательных стратегий, а не посредством прямой передачи имущества. Использование культурного капитала позволяет Бурдье показать, что реформа образования во Франции сталкивается с множеством проблем, несмотря на документально заявленную эгалитарность. Здесь он использует схожий со своими этнографическими исследованиями ход: неравенство воспроизводится не посредством доступа к ресурсам, а посредством возможности ими пользоваться. Капитал здесь это некие влияющие на объективную структуру социальных возможностей способности, которые передаются, и за счет возникающего преимущества накапливаются.

Однако, если в ранних работах это скорее метафорическое средство указать на менее очевидные механизмы социального воспроизводства позиций, то уже к «Distinction» капитал начинает играть конститутивную роль в теории¹⁷. Именно отталкиваясь от объема и структуры капитала мы можем построить карту социального пространства. Объективные возможности, образ жизни, мнения – начинают быть зависимыми переменными, а распределение капиталов – определяющей¹⁸. Если раньше капитал – это то, чем владели представители класса, то теперь капитал – это то, что только и дает нам возможность эти классы-на-бумаге увидеть.

Бурдье различает несколько форм капитала, каждый из которых формирует определенное поле. Так для политического поля конститутивным будет капитал физического принуждения, который формирует своего рода рынок насилия. Экономический капитал, соответственно формирует хозяйственную сферу, а информационный, частным случаем которого является культурный капитал –

¹⁶ Бурдье, Пассрон, Воспроизводство: элементы теории системы образования, 2007.

¹⁷ Lamont, Lareau, Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments, 1988.

¹⁸ Desan, Bourdieu, Marx, and Capital A Critique of the Extension Model, 2013.

культурную¹⁹. Эти три типа капитала Бурдьё выделяет субстанциально. Они могут быть измерены в количественном выражении, а также переходить один в другой. Так, насилие может конвертироваться в экономический капитал, а последний в культурный. Несмотря на то, что они несводимы друг к другу, эффекты каждого из них могут быть измерены в количественном выражении. Государство, по мнению Бурдьё – это «завершение процесса концентрации различных видов капитала»²⁰. Примечательно, что Бурдьё не упоминает в их числе социальный капитал, но упоминает символический.

Символический капитал в том значении, который ему придает Бурдьё отсылает к проблематике легитимности. Иными словами, это скорее способность, носитель которой может наделять значимостью другие формы капитала, нежели какой-либо определенный ресурс. Символический капитал позволяет своим носителям очертить границы поля и производить экспансию одних полей в область других. Он позволяет играть с правилами, но не по правилам. В работе «Pascalian Meditations» он пишет: «символический капитал... это не отдельный вид капитала, но то, чем становится каждый вид капитал, когда он не узан в качестве такового»²¹.

Проблема конвертации капиталов в теоретических дискуссиях и эмпирических исследованиях

Гипотеза Бурдьё о возможности конвертации экономического и культурного капитала подтверждается наблюдениями Рональда Берта, который обнаружил, что индивиды с более высоким социально-экономическим статусом и образованием чаще имеют более широкую сеть слабых знакомств и быстрее наращивают ее, чем те индивиды, которые ограничены лишь узким набором тесных отношений и оказываются заперты в своих «кликах»²². Таким образом, между разными видами капиталов существует прослеживаемая связь. Однако конвертация культурного или экономического капитала в социальный может быть не только прямой, но и обратной.

Так зачастую даже в формальных организациях структуры формального господства и расположение статусных позиций могут быть сформированы под влиянием

¹⁹ Бурдьё, П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика: Сборник статей. СПб.: Алетейя, 125-166.

²⁰ Бурдьё, П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля.

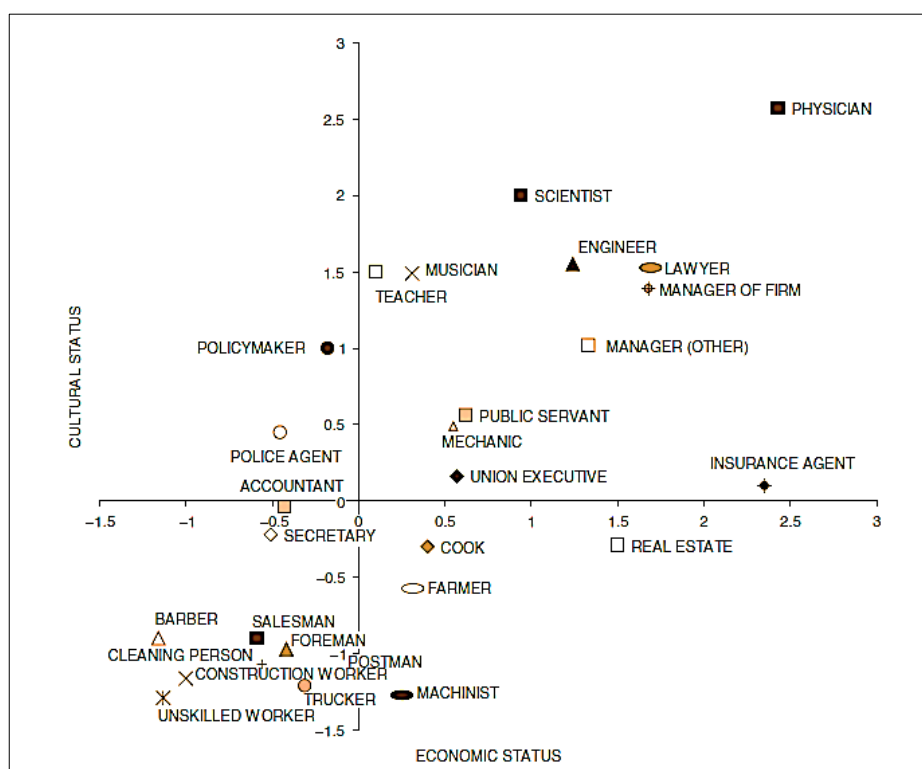
²¹ Bourdieu, Pascalian meditations, 2000 p. 242.

²² Burt, R. S. (1990). Kinds of relations in American discussion networks. Structures of power and constraint, 411-451.

неформальных отношений. Исследуя взаимодействие сотрудников одного из федеральных ведомств, Питер Блау обнаружил, что частота консультаций и дискуссий, в которые вовлечен тот или другой сотрудник коррелирует с его статусом. Он предположил, что шансы занять более выгодное положение в формальной иерархии во многом зависят от интенсивности социального обмена, в который вовлечен тот или иной сотрудник. Каждая консультация рассматривается Блау как взаимовыгодный «обмен ценностями»²³. Такого рода взаимодействия позволяют агентам конвертировать социальный капитал в престиж.

В наиболее простой форме понятие социального капитала формулирует Флэп, Де Граф и Боксман в своем исследовании голландских менеджеров. Они определяют его как «число людей, от которых можно ожидать помощи или ресурсов, имеющихся в их распоряжении»²⁴.

При этом между престижем и экономическим капиталом существует прослеживаемая взаимозависимость. Хэнк Флэп и Беат Фолькер в своем исследовании эффектов социального капитала и профессионального престижа изобразили её на данном графике:

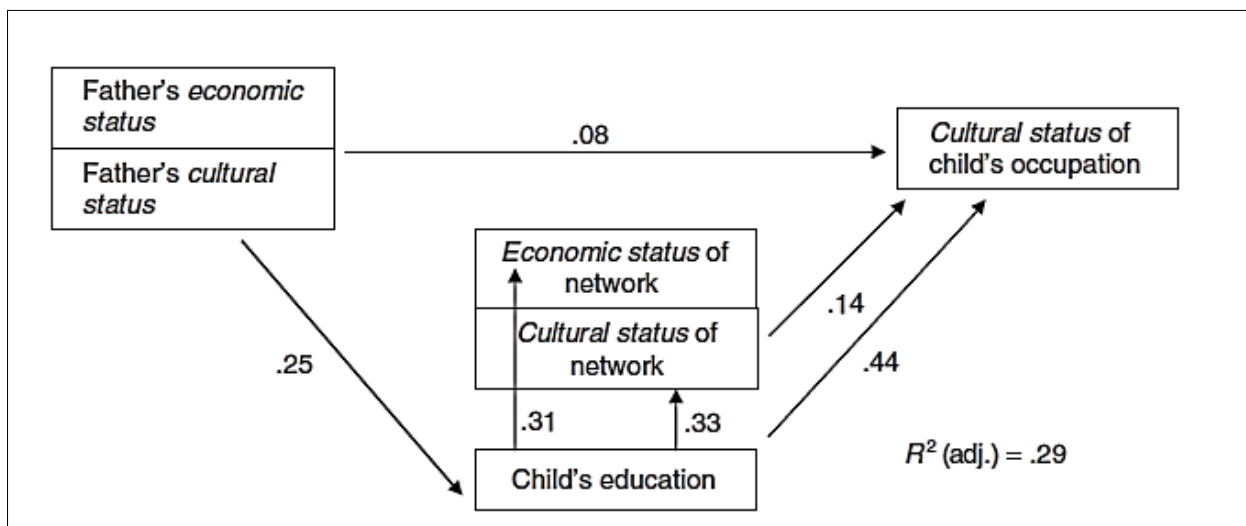
Примечание - Источник (Flap, Volker 2008)²⁵

²³ Blau, P. M. (1963). *The dynamics of bureaucracy: A study of interpersonal relations in two government agencies*. University of Chicago Press. P. 130.

²⁴ Boxman, E. A., De Graaf, P. M., & Flap, H. D. (1991). The impact of social and human capital on the income attainment of Dutch managers. *Social networks*, 13(1), 51-73.

Рисунок 4 - Название

В том же исследовании Флэп и Фолькер описывают влияние экономического и культурного статуса отца, на шансы его детей, а также влияние их круга знакомств, используя регрессионные модели.

Примечание - Источник (Flap, Volker 2008)²⁵

Рисунок 5 - Название

Социальный капитал, в отличие от других форм капитала, в теоретической рамке Бурдье не может быть аккумулирован или мыслиться как способность. Он всегда имеет локальное значение для каждого конкретного носителя. По этой причине государство не может его аккумулировать, оно не производит социальные связи, но способно лишь легитимировать их, выступая узлом сети, или напротив лишая значимости. Это происходит, когда государственные учреждения выступают арбитром или гарантом сделок и контрактов в тех случаях, когда агенты не могут договориться без их посредничества. Они не создают новые социальные связи, но разрывают существующие и замыкают их на себя, создавая спрос на свои услуги. Поэтому в качестве наиболее яркого примера символического капитала Бурдье приводит «юридический капитал» – авторитет бюрократической власти, в особенности судебной, стремящейся удержать господство над полем и получить на нем статус монополии, устраняя правовой плюрализм.

Бурдье определяет социальный капитал через сетевое отношение, делая акцент на его актуальной и практической природе: «Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием

²⁵ Ibid.

устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе»²⁶.

Иными словами, социальный капитал здесь – это своего рода мобилизационный резерв, источником которого выступают связи, формирующие сеть отношений. Сохранение и умножение социального капитала требует постоянной активности его владельца, необходимой для функционирования сети и усиление её интенсивности. Таким образом, он приобретает особый актив – символический капитал в виде репутации или чести, которая позволяет ему быстрее и проще вступать во все большее число новых взаимодействий, расширяя границы сети²⁷. Поэтому, уровень доверия и объем социального капитала не являются тождественными показателями, но сильно коррелируют друг с другом. Социальный капитал отличен по своему определению от символического, но поскольку всецело зависит от признания другими агентами, функционирует схожим образом, подчеркивает Бурдье. Существуют, однако, случаи, когда связь между видами капитала может оказываться обратной, а корреляция иметь отрицательный характер.

Так, например, знакомства какого-либо агента в криминальной среде могут иметь значение в узко очерченной сети отношений, но приобретают отрицательную ценность и увеличивают издержки на формирование легальных хозяйственных связей. Поэтому социальный капитал может иметь также и негативные эффекты.

Эта связь имеет определяющее значение, когда речь идет о влиянии структуры социальных связей и социального капитала на выбор политических стратегий различных социальных групп и индивидов. Дефицит обобщенного доверия на рынке создает спрос на посредников, осуществляющих гарантию соблюдения обязательств силой принуждения. В этом случае, основным бенефициаром от этого дефицита выступают государственные органы, становясь нейтральными арбитрами и обеспечивая выполнение условий контракта. Однако государство не всегда справляется с задачей обеспечения кооперации между разными агентами и снижения их рисков. Если ему не удастся удерживать монополию на рынке насилия, его функции могут занять хорошо организованные преступные группы, которые, как замечает в своем исследовании Вадим Волков, сами создают спрос на собственные услуги²⁸. Таким образом, проблема распределения социального капитала – это своего рода смешанная игра, гибрид кооперативной и

²⁶ Бурдье, П. (2002). Формы капитала. *Journal of Economic Sociology*, 3(5), 60-74.

²⁷ Там же.

²⁸ Волков В.В. (2012). Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ/Изд. 3-е, испр. и доп.— СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

конфликтной. Рост социальных связей и уровня доверия по отношению к одним может создавать негативные эффекты для других. Возникновение новых связей всегда будет сопряжено с утратой старых.

Это значит, что расходы, которые экономические агенты тратят на поддержание условий обмена, могут различаться в зависимости от объема располагаемой ими информации, сложности переговоров, необходимых знакомств, стоимости услуг посредников, снижающих риски от сделки и прочих специфических условий преодоления порогов входа на рынок.

Однако, поскольку конкуренция агентов в пределах одного рынка, не всегда представляет собой игру с нулевой суммой, существуют случаи, когда социальный капитал может выступать не только в качестве частного ресурса, но функционирует как взаимовыгодное общее благо, выгоду от которого получает каждый агент. Поддержание доверительных отношений позволяет минимизировать риски оппортунистического поведения и заметно сократить число «безбилетников».

Социальный капитал несводим к экономическому и может состоять из активов, изъятых из открытого рыночного обмена, его эффекты могут быть выражены в экономических категориях прибыли и издержек. В этом своем значении социологическое понятие «социальный капитал» тесно связано экономическим понятием транзакционных издержек.

Блау в своем исследовании, вместе с Отисом Дунканом доказывает, что универсалистские ценности развитого индустриального общества снижают ценность классового или расового происхождения все более повышая значимость образованию.²⁹ В противовес партикуляристским ценностям, универсалистские ценности позволяют достичь большего числа «слабых связей» и снизить принуждающую силу «сильных». Блау и Дункан доказывают, что значимость той или иной формы капитала зависит от преобладающих ценностей. В отличие от Бурдье, Блау и Дункан отмечают снижение значимости таких показателей как классовый статус и символический капитал.

От социального капитала к сетевому анализу

Независимо от Бурдье, понятие «социальный капитал» одним из первых использовал Гленн Лоури, объясняя разницу в зарплатах между разными расовыми группами неравенством числа социальных связей³⁰. Поскольку наличие этих связей

²⁹ Blau, P. M., & Duncan, O. D. (1967). The American occupational structure.

³⁰ Loury, G. (1977). A dynamic theory of racial income differences. Women, minorities, and employment discrimination, 153, 86-153.

зависит от включенности в определенные сообщества, степень которой варьируется по расовым и другим признакам, то именно этот фактор определяет их шансы на рынке труда.

Наиболее заметной фигурой, сделавшей вклад в исследование социального капитала и социальных сетей, является Марк Грановеттер. Исследуя стратегии поиска работы и опрашивая респондентов, Грановеттер обнаружил, что чаще всего оказывается, что у сотрудника и работодателя до найма на работу был один общий знакомый³¹. Гораздо реже их нет или оказывается больше одного. Такие типы связей между индивидами, опосредованные данным образом, Грановеттер назвал слабыми связями. Обозревая работы других исследователей на эту тему, он обнаружил, что именно слабые связи индивидов, связывающие их с представителями других социальных групп, а не своей собственной, оказывают решающее влияние на их мобильность и шансы. Отсюда его вывод о значимости такого рода социальных отношений и их определяющая роль в выборе экономических или политических стратегий³². Грановеттеру удалось доказать на практических примерах как работают некоторые теоретические интуиции Зиммеля и его последователей из чикагской школы, в частности Луиса Вирта.

Конечно, посредниками, связующими представителей разных групп могут выступать различные сервисы, агенства, брокеры и прочие посредники. Однако, как показывает Грановеттер, они не могут заменить личные доверительные неформальные связи. Как показывает Джордж Акерлофф на примере рынка поддержанных автомобилей, открытый рынок без дополнительных институциональных механизмов, гарантирующих качество товара, уступает обмену, основанному на неформальных доверительных связях между продавцами и покупателями, страхующих каждого из контрагентов от оппортунистического поведения другого³³. Вслед за Акерлоффом к схожим выводам приходит Клиффорд Гирц, исследуя отличие социальной и информационной структуры марокканских восточных базаров от привычных для западного рынка правил торговли³⁴.

Так, вероятность такого оппортунистического поведения со стороны представителя одной группы по отношению к представителю другой группы будет тем ниже, чем больше слабых связей (мостов) формируют между собой члены двух групп. Плотность (*density*)

³¹ Granovetter, M. S. (1970). Changing jobs: channels of mobility information in a suburban population (Doctoral dissertation, Harvard University).

³² Грановеттер, М. (2009). Сила слабых связей. *Journal of Economic Sociology*, 10 (4), 31-50.

³³ Акерлофф Дж. (1994) Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, (5), 91-104.

³⁴ Гирц К. (2009). Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. / Пер. с англ. Радаева В.В., Юдина Г.Б. *Экономическая социология*, 10(2).

выступает условием ускорения информации между группами, повышения мобильности их членов и сокращения различных издержек обмена.

Различение сильных и слабых связей воспроизводится во многих исследованиях социального капитала и его экономических эффектов. Росс Гителл и Авис Видал в своем исследовании развивая идеи Роберта Патнэма предложили называть сильные связи бондинговым капиталом (*bonding capital*) а слабые бриджинговым (*bridging capital*), отмечая их сходство с мостами, перебрасываемыми между разными группами. Позднее сам Патнэм предложил иллюстрировать это различие следующей метафорой:

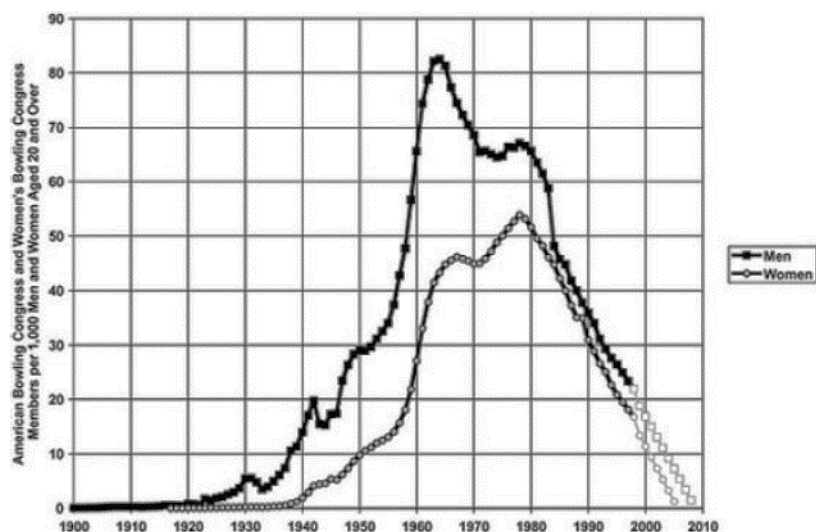
«Бондинговый социальный капитал образует своего рода социологический суперклей, в то время как бриджинговый социальный капитал предоставляет социологический WD-40»³⁵.

В своей работе «Bowling Alone» Патнэм задается вопросом о том, каким образом степень политической активности зависит от включенности в различные неформальные сети отношений. Как так получилось, что за 20 лет с 1973-74 по 1993-94 годы участие граждан в различных политических практиках сократилось до 40 и более процентов? Вместе с этим Патнэм замечает, что американцы стали реже участвовать в делах некоммерческих организаций, религиозных сообществ и прочих полуформальных объединений. Самой явной иллюстрацией этой тенденции к атомизации и утрате социального капитала Патнэм сделал стремительно падающее число игроков, принимающих участие в командных играх в боулинг.

Примечательно, что задолго до выхода работы Патнэма именно боулинг стал иллюстрацией другого примера накопления социального капитала, но в весьма специфическом русле. Уильям Фут Уайт в своем исследовании «Банда уличного угла: социальная структура итальянских трущоб» приводит боулинг в качестве примера занятия, которое производило своего рода неформальную шкалу престижа в банде³⁶. Таким образом, положительные эффекты мобильности, связанные с обладанием специфическим социальным капиталом, были исследованы еще в ранних социологических работах, посвященных малым группам.

³⁵ Putnam, R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster.

³⁶ Foote Whyte, W. (1943). *Street corner society: The social structure of an Italian slum*. Chicago: University of Chicago Press.

Примечание - Источник: (Putnam 2000)³⁷

Рисунок 6 - Взлет и падение американской лиги боулинга.

Патнэм заметил, что люди стали играть в боулинг в одиночку, а также меньше в целом участвовать в общественных и политических делах³⁸. За этот же период он прослеживает падение уровня обобщенного доверия (не политического). С 1960 по 2000 годы число американцев, доверяющих людям в целом, падало с 55% до 34%³⁹. При этом среди подростков падение было еще быстрее и упало ниже 30%. Выпускники колледжей все больше пренебрегали политическим участием и активностью в сообществе ради финансового благополучия⁴⁰.

Вместе с этим Патнэм обнаруживает, что за тот же период резко выросло число полицейских на 1000 человек, а также юристов и судей⁴¹. Таким образом, снижение индекса социального капитала влечет за собой падение общего доверия и стимулирует спрос на внешнее принуждение. За недоверие друг к другу американцы вынуждены платить государству и правоохранительным органам, которые становятся основными бенефициарами этого кризиса.

Кроме того, Патнэм заметил, что с ростом социального капитала уклонение от налогов снижается⁴² и выравнивается шкала доходов⁴³. Патнэм прослеживает как вместе с

³⁷ Putnam, R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster. fig. 26

³⁸ Putnam, R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster. fig. 71.

³⁹ Ibid. fig. 38.

⁴⁰ Ibid. fig. 72.

⁴¹ Ibid. fig. 42.

⁴² Ibid. fig. 89.

ростом социального капитала повышается уровень толерантности граждан друг к другу по различным признакам⁴⁴, однако существуют исследования, которые оспаривают безусловность этой корреляции⁴⁵.

Патнэм утверждает, что тесная корреляция между этими параметрами объясняется их зависимостью от индекса социального капитала. Однако, существуют исследования, показывающие, что далеко не всегда социальный капитал может быть ключевым или сколько-нибудь значимым определяющим фактором. Алехандро Портес и Эрик Викстром утверждают, что часто показатели социального капитала являются зависимыми переменными и отражают скорее социальные следствия более важных структурных экономических факторов, которые сами являются причиной роста или падения уровня социального капитала (такие как уровень бедности, неравенства и т.д.)⁴⁶. При этом Портес и Викстром замечают, что обратное влияние социального капитала на эти показатели может быть незначительным.

Как и Патнэм, Джеймс Коулман также признает, что социальный капитал может быть как частным, так и публичным благом. Однако в теоретической оптике Коулмана это все-таки не макросоциологическая (как у Патнэма), а микросоциологическая категория, то есть фактор, действие которого может быть зафиксировано лишь на локальном уровне, в пределах малых или средних групп.

Коулман утверждает, что условием доверительных отношений между элементами сети (ими могут быть, как индивиды, так и организации) выступает не количество связей, а форма социальной структуры, которую они образуют. Плотные сети связей, таким образом, усиливают действие локальных норм принуждения, как показывают некоторые исследования⁴⁷. Это условие выполняется только в тех случаях, когда связи образуют закрытые сети (b), как показано на рисунке 2⁴⁸. В открытых сетях риск некооперативного поведения возрастает из-за отсутствия условий для быстрого обмена информацией между всеми элементами.

⁴³ Ibid. fig. 92.

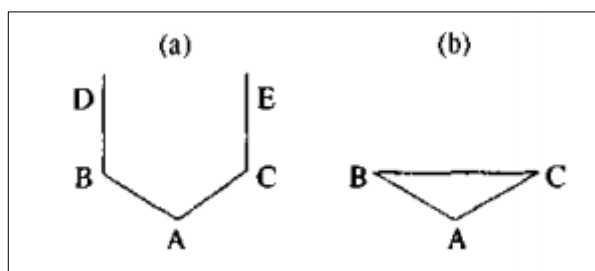
⁴⁴ Ibid. fig. 91.

⁴⁵ Satyanath, S., Voigtländer, N., & Voth, H. J. (2017). Bowling for fascism: Social capital and the rise of the Nazi Party. *Journal of Political Economy*, 125(2), 478-526.

⁴⁶ Portes, A., & Vickstrom, E. (2011). Diversity, social capital, and cohesion. *Annual review of sociology*, 37, 461-479.

⁴⁷ Boissevain, J. (1974). *Friends of friends: Networks, manipulators and coalitions*. St. Martin's Press.

⁴⁸ Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, (3), 121-139.

Примечание - Источник: (Коулман 2001)

Рисунок 7 - Открытые сети (a) и закрытые (b)

Как и другие авторы, Коулман предлагает выделять социальный капитал как отдельную форму капитала. Отличая его от физического капитала (*physical capital*), который может выражаться в наличии материальных благ или человеческого (*human capital*), определяемого через наличие каких-либо знаний и способностей, Коулман вслед за многими авторами предлагает сетевое понятие социального капитала:

«Если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем. Он проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом. Социальный же капитал еще менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же, как физический и человеческий капиталы, социальный капитал облегчает производственную деятельность»⁴⁹.

В качестве иллюстрации функционирования закрытых сетей, в которых социальный капитал выступает фактором, ускоряющим процессы обмена и торга, Коулман приводит рынок оптовой торговли алмазами в Нью-Йорке, контролируемый тесным еврейским сообществом Бруклина. Все его члены знакомы друг с другом, поддерживают дружеские неформальные связи, ходят в одну синагогу и делятся подарками и экспертными оценками. Такая замкнутая сеть знакомств обеспечивает быстрое распространение информации и страхует всех участников рынка от оппортунистического поведения каждого из них.

Коулман также приводит пример положительного влияния социального капитала на успеваемость в образовании. Он заметил, что студенты католических колледжей чаще показывают высокие результаты и реже оставляют колледж незавершенным.

⁴⁹ Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий. С. 121-139.

Количество студентов, бросивших школу в 10-12 классах в зависимости от рода школы (%)			
Количество бросивших школу	Муниципальные школы	Католические школы	Частные школы
	14,4	3,4	11,9
	Некатолические религиозные школы 3,7		Независимые школы 10,0

Примечание - Источник (Коулман 2001)⁵⁰

Рисунок 8 - Название

Коулман объясняет это тем, что католики имеют более плотные сети семейных и дружеских связей и поэтому дают своим детям больше возможностей для реализации⁵¹. Таким образом Коулман на данном примере воспроизвел классический дюркгеймианский аргумент.

Количество учащихся, бросивших школу в 10-12 классах, в зависимости от наличия социального, человеческого и финансового капитала в семье		
Параметры	Бросившие (%)	Разница (процентные пункты)
1. Наличие родителей:		
а) два родителя	13,1	6,0
б) один родитель	19,1	
2. Наличие других детей в семье:		
а) брат (сестра)	10,8	6,4
б) 4 ребенка	17,2	
3. Родители и дети:		
а) 2 родителя и двое детей	10,1	12,5
б) 1 родитель и пять детей	22,6	
4. Ожидания матери относительно поступления ребенка в колледж		
а) да	11,6	8,6
б) нет	20,2	
5. Агрегированные показатели		
а) 1а + 2а + 4а	8,1	22,5
б) 1б + 2б + 4б	30,6	

Примечание - Источник (Коулман 2001)

Рисунок 9 - Название

Исследователи социального капитала часто приводят в пример успешного функционирования таких сетей феномен так называемого «этнического

⁵⁰ Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*, (3), 121-139.

⁵¹ Coleman, J.S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94, 95-120.

предпринимательства»⁵². Социальный капитал формирует доверительные отношения между представителями одной этнической группы в какой-либо нише на локальном рынке и, таким образом, дает этой группе возможность устанавливать нормы взаимодействия на этом рынке.

Однако эта замкнутость сети создает барьеры для внешних агентов и снижает конкуренцию. Поэтому она может приносить выгоду небольшой группе, но чревата негативными экстерналиями для третьих лиц. Замкнутые сети могут приносить выгоду частному бизнесу, но для государственных ведомств они создают угрозу возникновения коррупционных связей и непрозрачных контракций.

Один из наиболее скептических теоретиков социального капитала Алекхандро Портес часто отмечает отсутствие каких-либо эффектов социального капитала или даже акцентирует внимание на темных его сторонах. Портес использует веберианский аргумент для защиты своей позиции. Хотя он определяет социальный капитал как «способность акторов сохранять свои выигрыши в силу принадлежности социальной сети или социальной структуре»⁵³, он многократно в своих работах отмечает, что эти выигрыши могут быть отрицательными. «Негативный» социальный капитал тормозит развитие безличного бюрократического капитализма, он препятствует формированию универсальных рыночных принципов и конкуренции⁵⁴. Портес приводит в пример наблюдения Клиффорда Гирца за предпринимателями на Бали, которые подвергаются нападениям и санкциям со стороны своих родственников и ближайшего окружения за успехи в хозяйстве, а также ограничения личной свободы в китайских и корейских мигрантских сообществах Нью-Йорка и Сан-Франциско⁵⁵.

Такие тесные организационные связи экономист Йорам Бен-Порат называет F-connections, название которых проистекает от трех институтов – семьи, друзей и фирм (family, friends, firms). Эти институты по мнению Бен-Пората обладают рядом общих черт обеспечивая определенную специфику обмена и контракции, обеспеченной отношениями личного доверия. Так Бен-Порат описывает специфику договоренностей, обеспеченных семейными социальными связями:

⁵² Flap, H., Kumcu, A., & Bulder, B. (2000). The social capital of ethnic entrepreneurs and their business success. In *Immigrant Businesses* (pp. 142-161). Palgrave Macmillan, London.

⁵³ Portes, A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual review of sociology*, 24(1), 1-24.

⁵⁴ Portes, A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual review of sociology*, 24(1), 1-24.

⁵⁵ Portes, A., & Sensenbrenner, J. (1993). Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American journal of sociology*, 98(6), 1320-1350.

«Давайте, таким образом, примем обращение с семейными связями как сделку или обмен и рассмотрим некоторые из его характеристик: "а) оно распространяется в течение длительных периодов времени, но продолжительность не указана заранее. (b) В то время как масштабы и важность различных видов деятельности меняются, взаимосвязь как правило, охватывает широкий спектр деятельности. (c) Не все условия контракты указаны четко – большинство видов деятельности зависит от событий и принимаются последовательные решения; реагирование на непредвиденные обстоятельства остается неопределенным, руководствуясь общими принципами или правилами поведения, которые, как правило, применяются к набору подобных семейных контрактов в обществе. d) Взаимозависимые элементы договора существуют как пакет; и цены не могут быть использованы как мультипликаторы или веса для сложения всех различных элементов контракта. (e) Как правило, отсутствует четкая балансировка обмена в единицах измерения. счета, хотя некоторые денежные выплаты (например, выкуп за приданое или выкуп за невесту) могут быть истолкованы как аппроксимация к разнице в ожидаемой стоимости обмениваемых пакетов. Что в целом верно, здесь также то, что нет балансировки отдельных компонентов, нет бегущего квадранта *pro quo*. Вместо этого допускаются крупные непогашенные остатки; из-за неуточненного характера контракта, когда и каким образом эти остатки ликвидированные остатки вскрыты. (f) Правоприменение является в основном внутренним, хотя контракт в той или иной степени поддерживается семьей по происхождению и другими лицами социальные силы. g) В различной степени семейный договор создает коллективную идентичность, влияющую на операции каждого члена с людьми за пределами семьи. h) Наиболее важной характеристикой семейного контракта является идентичность партнеров, без которой он теряет свой смысл. Таким образом, она специфична и не подлежит обсуждению или передаче. Большинство этих характеристик связаны с вопросом идентичности⁵⁶.

Так Бен-Порат отмечает значимость сильных социальных связей для экономической деятельности, замкнутой в пределах семейных связей. Предпочтение дружеских и семейных связей, такого рода F-connections может быть вынужденным и свидетельствовать о недоверии формальным институтам – судебной и правоохранительной системе, своего рода добровольной уступкой упущенной выгоды в пользу надежности договора, обеспеченного принадлежностью группе и единством идентичности.

⁵⁶ Ben-Porath, Y. (1980). The F-connection: Families, friends, and firms and the organization of exchange. *Population and development review*, 1-30.

Однако сами формальные институты могут быть сами подвержены процессу превращения в подобного рода организации, где идентичность играет гораздо большую роль чем правила. Сильные семейные и дружеские связи могут проникать в институциональную структуру формальных организаций. Так, именно они сыграли ключевую роль в формировании постсоветской рыночной экономики. Об этом в статье 1999 года Наталья Динелло, используя понятие Бен-Пората применительно к российскому политическому и экономическому ландшафту:

«Российские F-connections представляют собой ситуативную адаптацию предшествующих паттернов взаимодействия между людьми и организациями, свойственных определенным политическим и экономическим условиям. F-connection рациональны, но не необходимы или неизбежны. Нет “железного закона” истории и нет очевидности, говорящей о том, что F-connection – это единственный возможный ответ на вызовы текущего дня»⁵⁷.

Так, Динелло отмечает значимость социального капитала, которая прослеживается даже в советском повседневном обозначении коррупционных связей: «”блат”, “рука”, “наш человек”, “круговая порука” – отражали важность социального капитала. Политический патронаж процветал. “Телефонное право” было неотъемлемым элементом всеобъемлющей системы покровительства и протекции. Неповоротливая советская экономика оживлялась действиями “толкачей”, которые, будучи мастерами межличностных отношений, прибегли к бартерной торговле по принципу “услуга за услугу, товар за товар»⁵⁸.

Таким образом избыток социального капитала, понимаемого в качестве сети неформальных отношений, которая может быть задействована в частных интересах для получения одними лицами ресурсов, принадлежащих другим лицам, влечет за собой угрозу формальным институциональным нормам и централизованному бюрократическому контролю. Примеры российских рыночных и квазирночных институтов, которые приводит Динелло для иллюстрации теории Пората, а также исследования неформальных хозяйственных практик, проведенные Аленой Леденовой, подтверждают вебериянский тезис Портеса о негативных эффектах высокой плотности бондинговых социальных связей⁵⁹.

⁵⁷ Dinello, N. (1999). The Russian f-connection: finance, firms, friends, families, and favorites. *Problems of Post-Communism*, 46(1), 24-33.

⁵⁸ Динелло, Н. П. (2000). Капитал и российские банкиры. *Социологические исследования*, (2), 75-86.

⁵⁹ Ledeneva, A.V. (2006). *How Russia really works: The informal practices that shaped post-Soviet politics and business*. Cornell University Press.

Во многом отсюда рождается распространенная гипотеза о том, что разные виды социальных связей, а также формальные и неформальные уровни, на которых располагаются те или иные социальные нормы, конкурируют друг с другом. Доверие семье, родственникам и друзьям будет противостоять доверию формальным институтам и организациям и определять стратегии агентов. Противостояние «ойкоса» и «полиса» в борьбе за доверие индивидов носит характер игры с нулевой суммой. Чем выше доверие друзьям и знакомым, тем ниже уровень доверия правительству и полиции и наоборот. Эта гипотеза об обратной зависимости прочности одних связей от прочности других лежит в основе многочисленных исследований, ядром которых выступает различие с одной стороны межличностного доверия, а с другой – доверия политическим институтам.

Взаимосвязь политических, экономических и социальных параметров: эконом-социологические подходы

Теперь нам необходимо сделать краткий обзор экономических и эконом-социологических подходов. Мы начнем концептуализации экономического роста. Исследования экономического роста позволяют также зафиксировать как вместе с этим ростом происходят трансформации политических установок и социальных диспозиций. Соответственно модель экономического роста — необходимый ключ для построения модели экономических, социальных и политических параметров. Со времен безусловного классика экономической науки Адама Смита одной из сверхзадач экономики как прикладной практики является увеличение экономического роста национальной экономики. Соответственно, экономическая теория неизбежно обязана задавать вопрос о причинах экономического роста. Сам Смит считал, что он обеспечивается привлечением в экономику производственного капитала. Однако в современной неоклассической экономической теории большей популярностью пользуется объяснение, предложенное Робертом Солоу в работах «Вклад в теорию роста» 1956 года и «Технические изменения и агрегированная производственная функция» 1957 года, за которое экономист был удостоен Нобелевской премии. Однако с такой точки зрения задача экономического роста для развивающихся стран является более легкой, чем для развитых экономик, поскольку вместо того, чтобы стимулировать оригинальные разработки и способы их внедрения в экономику, они получают возможность просто перенимать опыт передовых стран, избегая ненужных ошибок. Однако несмотря на то, что такая практика действительно наблюдается, в целом специфика экономического роста национальных экономик позволяет говорить о феномене, который получил название Великой дивергенции. С точки зрения исследователя, который его «открыл»,

эмпирические наблюдения противоречат модели Солоу: темпы экономического роста развитых стран гораздо выше, чем у развивающихся.

В социологии хозяйственного развития Великая дивергенция стало популярной темой, которой посвящено немало известных работ. Так, интерпретацию этого феномена с точки зрения исторического марксизма дал Иммануил Валлерстайн. В противовес ортодоксальному марксизму, который рассматривал развитие обществ, в основе которых лежат экономические общественные формации, Валлерстайн предложил модель, в которой капиталистическая система рассматривается с точки зрения пространства. Он заимствовал понятие мир-системы у французского историка Фернана Броделя, которое определяется как «...». По мнению Валлерстайна, вместо того чтобы располагать экономики и общества на шкале времени, их следует определить с точки зрения пространства мир-системы, измеряемое осью «центр-периферия». Вторым отходом от классической марксистской теории является принципиальный отказ от рассмотрения национальных экономик как автономных единиц, проистекающим из сущности понятия мир-система. Взамен Валлерстайн вслед за авторами теории зависимого развития предлагает рассматривать их лишь как части единой (мир-)системы.

В целом, несложно найти схожие черты между теорией экзогенного роста Солоу и мир-системной теорией Валлерстайна – обе они рассматривают экономическую динамику конкретной экономики в связи с другими. Однако, говоря об отличиях исторического и ортодоксального марксизма, не следует забывать, что они, очевидно, принадлежат одной интеллектуальной традиции, в которой центральной темой неизменно остается проблема власти и закрепляемого ею неравенства. В отличие от неоклассической экономической модели Солоу, национальные экономики, находящиеся в центре мир-системы, активно используют свою власть для закрепления географического разделения труда, а значит и неравенства. Валлерстайн предлагает дихотомию «Север-Юг», соответствующую «центр-периферия», как отражение современного состояния капиталистической мир-системы. В целом объясняя причины Великой дивергенции, мир-системная теория, однако, понимает капитализм как экстенсивно развивающуюся систему. Возможно, это вызвано тем, что Валлерстайн и его сторонники дали подробную интерпретацию истории Нового времени как процесса расширения капиталистической мир-системы, зародившейся в Европе в начале 16 века, однако с точки зрения объяснения современного состояния различий в темпах экономического роста стоит обратить внимание на интенсивную концепцию системы капитализма. Ее подробно разработала венесуэльский экономист Карлота Перес в книге «Финансовые кризисы...». Также рассматривая капитализм как всемирную систему, в которой центр сдерживает развитие периферии, Перес, являясь

представителем неошумпетерианства, предпочитает рассматривать инвестиционную динамику.

Акерлофф Дж. (1994) Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм. *THESES: теория и история экономических и социальных институтов и систем*, (5), 91-104.

Бурдьё, П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля. *Поэтика и политика: Сборник статей*. СПб.: Алетейя, 125-166.

Бурдьё, П. (1999). Дух государства: генезис и структура бюрократического поля.

Бурдьё, П. (2002). Формы капитала. *Journal of Economic Sociology*, 3(5), 60-74.

Бурдьё, Пассрон, *Воспроизводство: элементы теории системы образования*, 2007.

Волков В.В. (2012). Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ/Изд. 3-е, испр. и доп.— СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гирц К. (2009). Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. / Пер. с англ. Радаева В.В., Юдина Г.Б. *Экономическая социология*, 10(2).

Грановеттер, М. (2009). Сила слабых связей. *Journal of Economic Sociology*, 10 (4), 31-50.

Динелло, Н. П. (2000). Капитал и российские банкиры. *Социологические исследования*, (2), 75-86.

Дюркгейм, Э., & Гофман, А. Б. (1991). О разделении общественного труда; *Метод социологии*. Наука. С. 340.

Зиммель, Г. (1996). *Избранное. Том 2. Созерцание жизни*. М.: Юрист.

Зиммель, Г. (2002). *Большие города и духовная жизнь*.

Маркс, К. *Капитал. Том первый. Процесс производства капитала, 1955-1981*.

Радаев, *Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация*, 2002

Ben-Porath, Y. (1980). The F-connection: Families, friends, and firms and the organization of exchange. *Population and development review*, 1-30

Blau, P. M. (1963). *The dynamics of bureaucracy: A study of interpersonal relations in two government agencies*. University of Chicago Press. P. 130.

Boissevain, J. (1974). *Friends of friends: Networks, manipulators and coalitions*. St. Martin's Press.

Bourdieu, *Pascalian meditations*, 2000 p. 242.

Bourdieu, Passeron, *The Inheritors: French students and their relation to culture*, 1979.

- Boxman, E. A., De Graaf, P. M., & Flap, H. D. (1991). The impact of social and human capital on the income attainment of Dutch managers. *Social networks*, 13(1), 51-73.
- Burt, R. S. (1990). Kinds of relations in American discussion networks. *Structures of power and constraint*, 411-451.
- Desan, Bourdieu, Marx, and Capital A Critique of the Extension Model, 2013.
- Dinello, N. (1999). The Russian f-connection: finance, firms, friends, families, and favorites. *Problems of Post-Communism*, 46(1), 24-33.
- Durkheim, E. (1897). *Le suicide: étude de sociologie*. Alcan.
- Flap, H., Kumcu, A., & Bulder, B. (2000). The social capital of ethnic entrepreneurs and their business success. In *Immigrant Businesses* (pp. 142-161). Palgrave Macmillan, London.
- Footnote Whyte, W. (1943). *Street corner society: The social structure of an Italian slum*. Chicago: University of Chicago Press.
- Granovetter, M. S. (1970). *Changing jobs: channels of mobility information in a suburban population* (Doctoral dissertation, Harvard University).
- Hodgson, What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning: should it be changed back?, 2014.
- Lamont, Lareau, *Cultural capital: Allusions, gaps and glissandos in recent theoretical developments*, 1988.
- Ledeneva, A.V. (2006). *How Russia really works: The informal practices that shaped post-Soviet politics and business*. Cornell University Press.
- Loury, G. (1977). A dynamic theory of racial income differences. *Women, minorities, and employment discrimination*, 153, 86-153.
- Portes, A. (1998). Social capital: Its origins and applications in modern sociology. *Annual review of sociology*, 24(1), 1-24.
- Portes, A., & Sensenbrenner, J. (1993). Embeddedness and immigration: Notes on the social determinants of economic action. *American journal of sociology*, 98(6), 1320-1350.
- Portes, A., & Vickstrom, E. (2011). Diversity, social capital, and cohesion. *Annual review of sociology*, 37, 461-479.
- Putnam, R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster.
- Satyanath, S., Voigtländer, N., & Voth, H. J. (2017). Bowling for fascism: Social capital and the rise of the Nazi Party. *Journal of Political Economy*, 125(2), 478-526.
- Simmel G. (1906) *The sociology of secrecy and of secret societies*. *American journal of sociology*, 11 (4): 441-498.